

АЛМА:
ЗАПРЕТНАЯ
·СТЕНА·

БРЮССОЛО

ЗАПРЕТНАЯ • СТЕНА •

Москва
2015

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44
Б89

Serge Brussolo

ALMONA, T. 1.
La muraille interdite

Copyright © Editions Bragelonne, 2012

Разработка серии А. Саукова, В. Половцева

Иллюстрация на обложке В. Половцева

Брюссоло, Серж.

Б89 Запретная стена / Серж Брюссоло ; [пер. с фр. А.Б. Васильевой]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 448 с. — (Современная зарубежная фантастика. Только бестселлеры).

ISBN 978-5-699-76049-7

На севере царят голод, грязь и чудовищное тяготение, которое беспощадно давит на людей, превращая их в жалких монстров. На юге... никто не знает, что скрывается за ужасной экваториальной стеной. Легенды говорят, что там лежит страна чудес, богатая и прекрасная. Но можно ли верить этим легендам? Нат живет на севере, на бескрайней грязевой равнине, где правят ящеры-людоеды, тираны Дозорные и каменные облака — настоящие летучие айсберги, способные погубить целые города. Устав от этого мрачного мира, Нат отправляется на поиски легендарного рая. Но великая стена скрывает немало тайн... одна другой страшнее.

УДК 821.133.1-312.9
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-76049-7

© Васильева А., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

КНИГА 1
ДОЗОРНЫЕ АЛМОА

ГЛАВА 1

Финальная атака начнется через несколько минут, Нат в этом уже не сомневался. Со вчерашнего вечера огромные ящеры стали сползаться со всех сторон, как будто наконец решили раз и навсегда покончить с теми, кто еще уцелел в крохотном лагере на вершине маленького островка. Зверюги были приземистые, короткомордые, но их пасти были усеяны внушительными клыками, и сами они достигали шести метров в длину.

Держась из последних сил, Нат караулил всю ночь, сидя перед шалашом, но в конце концов сон сморил его, так что он даже не заметил, как отключился.

А теперь мерзкие ящерицы медленно, но верно окружали их — его и Ньюшу. Выползали из грязевого океана и тащились к последней обитаемой хижине во всем поселении — последней, где еще оставалось живое человеческое мясо, теплая трепещущая плоть, от которой у них на кожистых челюстях выступала тягучая слюна.

— Хныы... Хныы... — стонала Ньюша, ворочаясь на тощей подстилке из сухих водорослей. — Хныы...

Она и не умела выражать свою тревогу иначе, чем бессвязными звериными криками. В ее родном племени — племени Мягкоголовых — редко пользовались словами. Открыв глаза, Нат увидел, что молодая женщина с ног до головы вымазалась илом в надежде слиться с окружающим фоном и сделаться невидимой. Многие в ее племени прибегали к этой уловке — расхожей и в то же время бессмысленной. Ящеров было не так легко одурачить.

С раздражением, вызванным крайней усталостью, Нат обнаружил, что Ньюша не уследила за костром, который он с таким трудом разжег накануне, чтобы держать рептилий на почтительном расстоянии. Просто чудо, что хищники не воспользовались этим, чтобы ночью же перейти в нападение.

«Не злись на нее, — твердил он себе. — Толку от этого никакого, ты же сам знаешь, что нет смысла ожидать от Мягкоголовой, будто ей хватит ума на подобные меры предосторожности».

Он прислушался, ловя чутким ухом скрежет когтей по засохшей грязи. Враг был рядом, и он приближался.

«Остались только мы, — сказал себе юноша. — Все наши соседи погибли. Ящеры сожрали их еще на прошлой неделе. Когда пиршество закончилось, от них осталась едва ли кучка костей. Теперь настал наш черед».

Да, многолюдное прежде поселение полностью превратилось в деревню-призрак. Только засохшие потеки крови на порогах хижин свидетельствовали о том, что некогда здесь обитали живые суще-

ства — миролюбивые, неспособные защищаться, а потому ставшие легкой добычей для хищников. А Нат, вместо того чтобы сразу сбежать, имел глупость упорствовать. Почему он счел себя достаточно хитрым, чтобы одолеть врагов? Потому ли, что считал себя выше расы «выродков», как называли их жрецы?

Жалкие ловушки, которыми он пытался обороняться от ящеров, никогда не работали так, как надо. Рептилии день ото дня становились все смелее и нахальнее, ловко минуя утыканные кольями ловчие ямы, стальные силки или клетки, которые должны были ловить их благодаря очень «умному» механизму из шестеренок и рычагов. Нату, видите ли, захотелось поиграть в изобретателя... что ж, теперь он за это расплачивается.

— Хны... хны... — снова заскулила Ньюша, охваченная ужасом.

Инстинкт безошибочно предупреждал ее, что опасность близко. Как собака, она улавливала едва заметные звуки и запахи задолго до того, как они становились доступны слуху или обонянию обычного человека.

— Мне нужно отойти, — медленно и внятно объяснил ей юноша. — Оставайся здесь. Нужно снова разжечь огонь. Понимаешь, что я говорю?

Ньюша бросила на него тоскливый взгляд и уцепилась за его ноги, чтобы не дать ему покинуть торфяную хижину. Ей было страшно оставаться одной, и тут ее было легко понять. За последние пять дней на ее глазах погибли все члены ее клана, которых хватало и пожирали те длинные ползучие тени, появляющиеся из болота.

Нат вышел наружу, втянув голову в плечи, — весь напрягшийся, готовый к бою. Костер превратился в кучку обугленных головешек. Нату пришлось потратить немало усилий, чтобы разжечь его снова. Ящеров не было видно, но он чувствовал, что они где-то рядом. Окраской они ничуть не отличались от окружающей тины, и стоило им прижаться к земле, как они тут же пропадали в неровностях рельефа.

С гарпуном в руках он сделал три осторожных шага по застывшей грязи. Прежде чем тронуться дальше, он потыкал зеленоватую корку концом своего орудия — стоило убедиться, что глиняный «лед» выдержит его вес. Это было необходимой мерой, ведь под тонкой сухой коркой струилась жидкая грязь, способная немедленно поглотить любого, сделавшего неосторожный шаг.

Внезапно он заметил слева движение какой-то тени и застыл, воздев копьё. С бьющимся сердцем он затаил дыхание, готовясь к атаке, но тварь, видно, почувствовала его отчаянную решимость и предпочла не покидать засады, распластавшись по земле, будто нарисованная.

Юноша чуть расслабился. У него были черные длинные волосы, клочковатая борода, и он не носил иной одежды, кроме скрывающего его мужское достоинство чехла из ящериной кожи. Когда-то в прошлом у него была настоящая, цивилизованная одежда, и он жил в настоящем доме, но все это он покинул, когда решил стать свободным жителем равнины и принял образ жизни примитивных племен.

Он присел и скрючился, внимательно осматривая пейзаж. Крохотный островок, на котором он

сидел, казался едва заметным бугорком на окружающей его бесконечной равнине-океане.

Равнина-океан, текучая степь... Этими противоречивыми именами люди называли королевство Алмоа, девять десятых которого составляли жидкие грязевые просторы. Летом эта грязь подсыхала на солнце, образуя слой илистого «льда» различной толщины. Алмоа представляла собой сплошной полужидкий, полутвердый мир в состоянии вечного метаморфоза. Иногда море застывало, превращаясь в континент, а затем — никто толком не знал почему — континент вдруг начинал подтаивать, разваливаться на части и снова становился жидким! Океан вновь вступал в свои права. От этих постоянных изменений окружающий мир был опасен и ненадежен, и довериться ему было нельзя ни на минуту.

— Хны... хны... — запричитала Нюша внутри шалаша.

— Не выходи наружу! — крикнул ей юноша. — Не показывайся им на глаза! Ты же знаешь, что они предпочитают мясо женщин... и детей.

Но она не понимала этих слов, а может, просто была слишком напугана. Покинув убежище, она тут же затрусилась к своему спутнику. Из-за слоя глины на коже она походила на статую, оживленную неведомой магией.

Нат взял ее за руку и поспешил взобраться на бугор, где они могли считать себя в большей безопасности. Добравшись до вершины, он присел, прислонившись спиной к корявому деревцу, уложив копьё поперек бедер и борясь с одышкой. Только сейчас он осознал, насколько сильно устал за последние

дни. Ему страшно хотелось спать, но он не решался закрыть глаза. Кто-то должен быть на карауле, а на Ньюшу никак нельзя рассчитывать. Мягкоголовые никогда не были воинами. Они вообще не были способны на сколько-нибудь агрессивные чувства и обычно безропотно давали себя сожрать, едва осмеливаясь заплакать от боли, когда хищник отрывал им ногу или руку.

— Ньюша не должна волноваться, — успокаивающе пробормотал он, словно утешая ребенка. — Мы уйдем отсюда. Уплывем на пироге. Нужно просто убедиться, что путь свободен.

Конечно, он лгал, чтобы немного ее успокоить. На самом деле все было не так-то просто. Ящеры держались настороже, ожидая малейшего промаха со стороны беглецов, чтобы одним движением челюстей отсечь им ноги. С тех пор, как погиб его полугодовалый сын, Нат ненавидел их особенно остро.

Внезапно его охватило бешенство, он вскочил и, потрясая копьем, принялся осыпать бранью притаившихся среди камней рептилий.

— А ну, идите сюда! — кричал он. — Я вас жду! Я не боюсь! Давайте, я готов!

У него перехватило дыхание. Чудища колебались. Этот изможденный юноша казался с виду легкой добычей, однако от него исходила такая ярость, что твари невольно осторожничали. Такого убить будет непросто.

«Я схожу с ума, — подумал вдруг Нат. — Если бы я хотел покончить с собой, лучшего и придумать нельзя».

Он знал, почему ведет себя именно так: горе и угрызения совести настолько источили его душу, что он начинал терять рассудок. Он подавил вскрик, прикусив до крови губу. Нужно было держать себя в руках, чтобы еще больше не напугать Ньюшу, которая и так стучала зубами от страха и только что напустила под себя лужу.

— Пойдем, — сказал он, тронув ее за плечо, — попытаемся добраться до лодки. Держись позади меня, не отставай. И смотри, куда ступаешь, ты ведь знаешь, что у них есть привычка зарываться в грязь. Ты знаешь, правда?

Но молодая женщина его не слушала: расширенными от ужаса глазами она тупо таращилась перед собой, нервно покачиваясь всем телом.

Нат заставил себя улыбнуться.

— Ничего, — солгал он. — Приободришься. Ничего еще не потеряно. Мы начнем все сначала, где-нибудь в другом месте. Новая хижина, новый малыш. Я люблю тебя... Ты понимаешь? Я тебя люблю.

Он с трудом заставил ее подняться. Она бы так и осталась здесь, скорчившись под деревом, пока ящеры не пришли бы и не сожрали ее живьем. Как и все ее сородичи, она была наделена безропотным фатализмом, граничившим с полной апатией.

Они зашагали вперед. Ньюша шла сторбившись, с выражением полной обреченности, которое должно было только возбуждать аппетит ящеров. Запах страха всегда действовал на них ободряюще.

От деревушки, где они жили, почти ничего не осталось — от силы десятков шалашей, кое-как сложенных из сушеного торфа. На сегодняшний день в живых остались только двое: упрямец Нат Уил-

Мур, чужак, явившийся из города, и Ньюша, последняя дочь своего племени.

Юноша присел на корточки перед входом в хижину, которую делил с Ньюшей... и с малышом. Сейчас они покинут ее, покинут навсегда... Его сердце сжалось.

Ньюша. Это он назвал ее так, ведь у Мягкоголовых не было имен. Никогда. Им просто не хватало ума, чтобы запомнить их.

Ньюша... Как и прочие ее сородичи, она жила в «стаде», в бродячем диком племени, которое скиталось, не зная ни одежды, ни домашней утвари. На Алмоа это было первое человеческое племя с явными признаками аномалии: с уплощенной головой, которая выглядела так, будто кто-то надавил на нее сверху, когда она была еще мягкой, с коренастым телом и толстыми, выгнутыми колесом ногами. Когда Нат увидел Ньюшу впервые, ему подумалось, что она похожа на вылепленную из пластилина фигурку, которую бог-творец, недовольный своим созданием, решил раздавить ударом кулака. Почему же он так к ней привязался? Не из-за красоты, это уж точно! Тогда почему? Наверное, потому, что интуитивно почувствовал, что она никогда его не предаст. Что она будет верна ему до самой смерти. Да, конечно. Именно эта уверенность возобладала над всем остальным. Ньюша была воплощенная верность и преданность. Это была наивная преданность прирученного животного, которое скорее даст себя убить, нежели покинет хозяина. Эта беспредельная, детская доверчивость и пленила Ната в свое время.

«Эти Мягкоголовые вообще не люди, — твердили горожане. — Это псы... Мозгов у них не больше,

чем у паршивых шавок. У них нет ни закона, ни религии, ничего... Животные».

Можно ли было отказать им в правоте?

Нат не знал, но от подобных речей ему делалось стыдно. Действительно, женщины Мягкоголовых жили стадами, голые, как мартышки. Они отличались редкой покладистостью и только и хотели, что подчиняться. Достаточно было приманить их горсткой снеди — и они готовы были следовать за тобой куда угодно. Они были настоящей находкой для изнемогающих от похоти подростков. Девушки всегда были готовы отдаться им, прямо здесь же, в грязи, стоя на четвереньках, заботясь только о том, чтобы доставить удовольствие хозяину. А потом в благодарность вылизывали ему руки.

С тех пор, как Нат покинул свою родную семью, он прожил с Ньюшей уже два года. Почему? Потому что воображал, будто сможет помочь этому беззащитному народу? Какая самонадеянность!

Нюша... Он много раз пытался научить ее отзываться на это имя, повторяя день напролет: «Нюша... Ньюша...» Если начать с утра пораньше, к вечеру она вроде бы запоминала его, но за ночь непременно забывала, и на следующий день приходилось все начинать сначала. Ночь полностью обнуляла ее память. Безднадежно.

Мягкоголовые не владели речью, не потому, что их голосовые связки были не приспособлены к членораздельному общению, а потому, что они были не в состоянии запоминать слова, которые могли бы изобрести все вместе. Это было жалкое, обреченное племя, и та же судьба ожидала и прочие человеческие народы на Алмоа: отупение, вызванное